

САМА ПАМЯТЬ ЛЮДСКАЯ СТОИТ НАПОКАЗ

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры менеджмента социально-культурной деятельности
учреждения образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

...Тучи в небе прошли, может, тысячу раз,
Били грозы от края до края, –
Он, как память людская, стоит напоказ...
Янка Купала. «Курган»

Увековечение Великой Победы испробовало немало выразительных средств и приемов. Однако среди наиболее распространенных был и остается символ Кургана. Именно его весьма потаенный смысл привлекает инициаторов и авторов монументальных памятных сооружений и мемориалов.

Одним из первых в этом впечатляющем ряду восстал на рукотворном кургане знаменитый «Воин-освободитель» в берлинском Трептов-парке (1949) словно охранник многочисленных захоронений советских воинов, словно дозорный страж мира в начавшуюся «холодную войну».

К двадцатилетию Победы, вполне оправившись от военных разрушений, монументальное искусство всецело становится на службу идеологии, согласно которой подвиг наших воинов беспрецедентен и судьбоносен для всего мира. Так мир увидел величественный обелиск в виде фигуры «Родины-матери», что венчает огромный рукотворный холм как продолжение легендарного Мамаева кургана в Волгограде. После открытия мемориала он именовался «Курган Славы» на месте захоронения десятков тысяч защитников города и страны в целом.

Вскоре и под Минском воистину всем миром был насыпан небывалый Курган Славы (1967) – память о выдающейся победе в масштабной операции «Багратион». Курган увенчан обелисками-штыками, своеобразная интерпретация образа войскового стражника, наблюдающего с возвышения за мирным порядком окрест.

В то же время и по этому же художественно-символическому образцу, также народной «толокой» возведены Курганы Бессмертия в Полоцке, на месте былых сражений, и в Лунинце, над братской могилой павших за Победу.

Художественный образ Кургана с обелисковым завершением присутствует на многих полях былых сражений. Его тема прочитывается и на Поклонной горе в Москве, и у минской стелы «Минск – город-герой»...

...Так, естественно, закономерно обрел новую жизнь векопомный Курган, архаический народный символ, переживший многочисленные религиозные и идеологические пертурбации.

Выделяют самые разные типы курганов, что вполне подвигает развитие кургановедения. Ведь они встречаются в той или иной форме, можно сказать, по всему свету и принадлежат к ряду эпох. В обширной России, например, до сих пор стоят курганы практически всех эпох (от энеолита до наших дней) и самых разных народов.

Британцы чтут свои многоликие и разновозрастные курганы. Зачастую европейцы называют их старинным термином «тумулус» (лат. *tumulus* – «холм, бугор»), идущий от мегалитических этрусских захоронений, прототипы мавзолеев римских императоров. Во славу павших при Марафоне афиняне воздвигли могильный курган на самом поле битвы как дань их величайшей доблести.

Американцы гордятся доколумбовыми «маундами».

У китайцев есть свой беспрецедентный курган-усыпальница императора Цинь Шихуанди с его многотысячной «терракотовой армией».

Важно отметить, что курганы насыпались не исключительно над захоронениями и символическое предназначение их многогранно. На древнем тюркском языке «курган» означает «холм». Этимологически ему, видимо, предшествовало древнешумерское «кургаль» – «великая гора». В русском языке «курган» – это рубеж, который обыкновенно обозначали насыпными сторожевыми холмами, за которыми начинались чужие земли [1].

В Беларуси курганы издавна называют по-разному: «копцы» (от литовского «*kapas*» – могила), «сопки» (от «сыпать»), «волотовки», связанные с древними представлениями, будто бы в них похоронены «волоты»-богатыри. Здесь можно проследить семантическую значимость величины кургана: чем он больше, тем больше воинов полегло, тем, следовательно, тяжелей, но весомей, торжественней была и победа.

Однако поводом для появления кургана и его почитания становились не только похоронные ритуалы или батальные события.

Например, на белорусских землях возведен Курган Бессмертия Адама Мицкевича – рукотворный холм в месте, где прошли детские годы и в окрестностях которого происходят многие события произведений великого, воистину бессмертного поэта.

Так издревле освящалось место и сугубо географическое, и эпохально историческое. «Наше место свято!» Некогда это было признанием в верности родине, а также призывом и клятвой пред выступлением на неприятеля-агрессора. Потому как в представлении многочисленных поколений только незыблемость своего места гарантировало благополучие и современникам, и потомкам. А его олицетворение – Курган:

Меж болот-пустырей белорусской земли,
На побережье реки быстротечной,
Дремлет памятник дней, что ушли-утекли,
Обомшелый курган вековечный.

Янка Купала. «Курган»

Курганы вызывали и научный интерес, и будоражили своим мистическим смыслом воображение... Так или иначе, происходило приобщение к памяти народной. Пытливый ум неутомимых исследователей родного края не мог обойти вниманием величественные и загадочные «возвышения», не мхом забвенья обраставшие, но легендами задушевыми, воистину «культурными слоями» эпох.

«...Сначала только по временам собирались на эти возвышения; но потом некоторые места делались любимыми, постоянными – к ним привыкали, им давали знаменательные названия от какого-нибудь замечательного обстоятельства или жертвенного обряда...» [5, с. 22].

Можно верить всему, только слушай душой...
У курганов преданий немало.

Янка Купала. «Курган»

Ученые мужи более обстоятельно углублялись в память дней, что ушли-утекли, но взывают к себе терпеливой дремотой неисчислимых курганов. В результате Г.Х. Татур, археолог, историк и коллекционер, в «Очерке археологических памятников Минской губернии» отметил разные виды курганов. Так, про курганы «памятные» от него узнаем, что они «бывают особо поставлены на открытых возвышенностях, среди более населенных в доисторические времена мест, обыкновенно значительных размеров». Среди них имеются «сыпанные народами в честь вождей или набольших; они не заключают человеческих останков и только предание иногда освящает их». Здесь же «сыпанные в память важного происшествия и в память жертвоприношения или же исполнения какого-либо важного обряда».

«Военные» курганы – «обозначают военные побоища... Такие курганы содержат в себе обыкновенно значительное число остовов; они разнородных размеров и знаменуют окрестности, служившие местом столкновения народов.

«Гробовые» курганы – «составляют кладбища племен, здесь проживающих. Это самый многочисленный род археологических памятников... они составляют самый богатый и неисчерпаемый источник».

Наверху «сторожевых» курганов «жители держали поочередную стражу, наблюдавшую за приближением или оборотами неприятеля».

Курганы «путевые» – «столпы» – являлись не только местом захоронения, но и путевым знаком, который был одновременно и граничным

знаком «своей земли»... [4]. И сегодня в пределах Минска сохранились тысячелетние курганы дреговичей. Это лишь малая толика от бывшего величия, что чудом сохранилась в условиях стремительной и неумолимой урбанизации, которая нивелирует и ландшафт культурный.

Как бы то ни было, своеобразная «реабилитация» Кургана в монументально-символическом выражении Великой Победы – изначально лишена надуманности, не отступничество и тем более не послабление властей, утверждающих «воинствующий атеизм». Это невольное, но настойчивое обращение к духу, чувствам, образам, заложенным в потаенных пластах бессознательного, в закромах архетипического поскольку изначально Курган служил социокультурной идентификации человека со своим Местом, которое метафизическим образом выделяется на территории и сакрализуется как Родина. Этот феномен вполне подпадает под понятие тотемизма (выражение *ototeman* приблизительно означает «он принадлежит моей родине»), который «предстает как благословение, данное религией первобытному человеку в его попытке извлечь из окружающей среды то, что может быть ему полезным, и в его борьбе за жизнь» [2, с. 28]. А ключевой составляющей метафорического восприятия Кургана искони была некая духовная сила, вбирающая веру «своёвков», убежденность «земляков» в правоте и святости защиты своей Родины. Отсюда мы говорим о «силе духа» не как об абстрактной метафоре, но как о реальной и очень действенной мощи личностной и народной. Как о сущностном условии Победы и партиципации ее художественного выражения, единящей историческую глубину (культ предков) и перспективу культурного восхождения (забота о потомках) [3, с. 365–370].

...Итак, Курган и Победа тесно сплетены в глубинной, исконно народной, языческой традиции, которая не кичится, не выпячивает себя как дешевая показуха, но затрагивает самые чувственные и потаенные струны народной памяти, только с высоты которой различимы неприятель и друг, нынешнее и предстоящее, мимолетное и вечное.

1. Курган // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.

2. *Леви-Стросс, К.* Первобытное мышление / К. Леви-Стросс; пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с.

3. *Морозов, И. В.* Художественное воплощение Великой Победы: феномен партиципации / Культура. Наука. Творчество: сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2019. – 583 с.

4. *Татур, Г. Х.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. – Минск, Губернская типография, 1892.

5. *Шпилевский, П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский; предисл., состав. С. А. Кузнецова. – 2-е изд. – Минск: Польша, 2004. – 251 с.

КРЫНІЦЫ ДАСЛЕДАВАННЯ АРГАНІЗАЦЫІ МАСТАЦКАЙ ТВОРЧАСЦІ ПАРТЫЗАН НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

С. А. Пацыенка,

кандыдат культуралогіі,

дацэнт кафедры менеджменту сацыяльна-культурнай дзейнасці

ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

культуры і мастацтваў»

З першага дня вайны насельніцтва Беларусі прымала актыўны ўдзел у барацьбе з захопнікамі, а сама тэрыторыя краіны ператварылася ў арэну вайсковых дзеянняў. Бессмяротны подзвіг здзейснілі абаронцы Брэсцкай крэпасці, Мінскага ўмацаванага раёна, мужна змагаліся ваюры на рубяжы ракі Бярэзіна ў раёне Барысава і Бабруйска, на Віцебскім напрамку ў раёне Лепель – Сэнна, пад Гомелем і ў іншых мясцінах.

З першых і да апошніх дзён акупацыі на тэрыторыі краіны вялася актыўная партызанская барацьба. Нездарма Беларусь пачалі тады называць «рэспублікай-партызанкай». Усяго за ваенны перыяд партызанская армія Беларусі налічвала больш за 370 тысяч удзельнікаў, «аб'яднаных у 1255 атрадаў, з іх 997 уваходзілі ў склад 213 брыгад і палкоў, 258 змагаліся самастойна, звыш 400 тысяч чалавек складалі партызанскія рэзервы» [9, с. 137].

Значную ролю ў патрыятычным выхаванні партызан і насельніцтва краіны адыграла мастацкая творчасць. Нягледзячы на складаныя ўмовы, яна атрымала на акупіраванай тэрыторыі шырокае распаўсюджанне.

Пытанне арганізацыі мастацкай творчасці партызан і насельніцтва акупіраванай фашыстамі тэрыторыі асвятлялася пераважна ў кантэксте агульнай гісторыі вайны. Сярод публікацый, якія ўтрымліваюць інфармацыю ўзгаданай тэматыкі, можна назваць такія фундаментальныя абагульняючыя працы, выдадзеныя ў 60–80-я гг. XX ст., як 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза» (1960–1965) [6] ці 12-томная «История Второй мировой войны» (1973–1982) [7]. Апісанне асобных кірункаў культурна-адпачынкавай дзейнасці ў гады